

A woman with long, wavy brown hair tied up, wearing a floral patterned shirt and denim overalls, is smiling and holding a baby. The baby is wearing a plaid dress and has a white bow in her hair. The background is a blurred indoor setting, possibly a kitchen or living area, with a window showing a view of the outdoors.

Ильгиз Гиматов
Сестра

18+

Ильгиз Гиматов

Сестра

<https://litres.ru/73837622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Работница мебельной фабрики, измученная безденежьем и тяжелой работой многодетная мать из провинциального городка попадает на популярное шоу федерального телевизионного канала, где знакомится со своей сестрой-близняшкой, которую мама оставила в роддоме.

Содержание

Праздники многодетной Тоньки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ильгиз Гиматов

Сестра

Праздники многодетной Тоньки

Тоньке Грушиной двадцать пять лет. У нее четверо детей. Старший сын Артем в этом году пошел в первый класс. Второму сыну Павлику пять. За ним идет Галка – четыре года ей. Последняя - трехлетняя Зуля. Полное имя у нее Зульфия. Таково было желание четвертого мужа Грушиной - Рината. Ну как мужа... Сожителя. Как он говорил, так звали его покойную бабушку.

Были сожителями, а не законными мужьями, и отцы других детей Тоньки. У всех детей в свидетельствах о рождении отцы не указаны. Вместо их имен и фамилий прочерки.

– Дура! – говорят ей бабенки фабричные. – Запиши своих кобелей в свидетельства детей и подай на них в суд на алименты.

– А пошли они куда подальше... – смеется иногда задорно, иногда горько Тонька. – Где их сейчас отыщешь... Артемку я, застрелите меня, и не знаю от кого родила. После школы был сплошной праздник «Играй гормон». Вот и наиграла Артемку. По остальным тоже... На каждого несколько претендентов в отцы... Гражданские мужья... Чтоб они

сдохли все. Сняли квартиру, заселились – вот тебе и гражданский брак. Покувыркались, горшок об горшок – и разбежались. А уж другой заманивает... Угадай кто от кого... Ладно, какие никакие пособия платят...

– Ну, ты дура Тонька! – ржут фабричные подружки, в большинстве своем разведенки, вдовы и матери одиночки. – Чем думала-то, когда хороводилась с этой кобелиной своей?

– Да тем же, чем и вы... Кобылы!

Живет Тонька с детьми и мамой в половине щитового дома в пригородном поселке. По сути эта половина дома представляет собой большую комнату, разделенную деревянной перегородкой на две комнатухи.

Одну из них вместе с пацанами занимает сама Тоня. Во второй спит мама с девочками. Перед комнатухами довольно таки просторная прихожая. Она же кухня с газовой плитой. Удобства на улице. Летом еще ничего – терпимо. Если кому-то из детей приспичит ночью, Тоня сопровождает с фонариком. А зимой для младших горшок, для взрослых – ведро с крышкой. А что делать? Как-то приспособились. Привыкли.

Раньше дом был ведомственным. Его построил для своих сотрудников химкомбинат еще в далекие пятидесятые годы прошлого века. Половину отхватила, как ударница коммунистического труда, бабушка Антонины. Здесь выросла ма-

ма Тоньки. Она тоже работала на химии. Приватизировала это жилье. Здесь родилась и выросла и сама Тонька. У нее свидетельстве о рождении в отцовской строке тоже прочерк.

Одним из достоинств комнаты было то, что она за малую плату отапливалась котельной комбината. Еле дышащего теперь химического комбината.

Мама Тони, Людмила Максимовна, когда накидывалась водочки, пророчествовала:

– Сдохнет комбинат – сдохнет и котельная. Сдохнет котельная – сдохнем и мы... Слышь, Тонька... И ты сдохнешь. И все твои нагулянные щенки тоже сдохнут...

Тонька трудится на «мебельке» - мебельной фабрике. Шлифовщицей. Работа трудная, грязная, монотонная и вредная. На первый взгляд, вроде бы, не сложная. Но требует определенной сноровки и постоянного внимания. И упертости. А ее у шлифовщиц предостаточно. Не от хорошей жизни они оказались здесь на самой низкооплачиваемой работе.

Все просто. Зажимаешь в станок фигурную деревянную заготовку. Она бешено вращается, а ты ее обрабатываешь вручную – сначала грубой наждачной бумагой, потом среднезернистой и в конце мелкой.

Все время надо давить на эту березовую чурку и быть готовой отскочить, если она сорвется с крепления. Шлифуешь будущие ножки столов и стульев. Струя древесной крошки и пыли бьет прямо в лицо. Защитная маска быстро забивается. И жрешь эту пыль по полной программе. С головы до ног

в сером налете, как мельник в ржаной муке. Глаза не защитишь вовсе. Оденешь защитные очки – ничего не видишь. Глаза все время слезятся, веки опухшие. И постоянный кашель с густой мокротой. Каторга.

А заготовки попадают с задирами, с раковинами, кривые и косые. А перчатки через пару часов дырятся и рвутся в клочья.

Тратишь иногда на одну ножку минут двадцать. Руки затекают и отваливаются. Спина каменеет. А иную ножку, при сдаче на покраску, бракуют. Не приняли – не оплачивают. Восемь рублей за нее не получишь. За час отшлифуешь, как ни старайся штук пять-шесть ножек. Если из них парочку не примут, совсем беда.

Плачут часто шлифовщицы. Слезы выписывают светлые дорожки по пыльным щекам.

– Это дно... – безнадега в голосах шлифовщиц во время перекура в кочегарке.

– Это ниже дна... – горечь в сердцах шлифовщиц, в конце смены сдувающих себя древесную пыль струей сжатого воздуха.

А куда пойдешь? Работы в городке нет никакой. На хиреющий химкомбинат дышать испарениями серы и других гадостей лишь по великому благу попадешь. А здесь на мебельке даже трудовую не спрашивают. На хлеб дают заработать. Можно - и на молоко и масло... Если корячиться по двенадцать – четырнадцать часов без отрыва за станком. Без

выходных. И больничных никаких. Вышла – работай. Не вышла – заболела или загужбанила – пошла на хрен. Другие стоят за воротами.

Однажды Тонька отсутствует на своем рабочем месте неделю. Никому на фабрике нет дела почему. Кто пойдет выяснять? У всех свои заморочки.

За Тонькин станок поставили новенькую – толстую бестолковую тетку. Заколебала остальных шлифовщиц - что да как... Как наждачную бумагу складывать? Как давить на заготовку? А правильно ли получается? Нету времени объяснять. Надо зарабатывать свои копейки...

Шлифовщицы обычно обедают в пыльном закутке без окон, куда проходят через кочегарку. Как обедают... Перекусывают тем, что прихватили из дома. Кто-то хлебает холодный суп из банок. Кто-то домашним картофельным пирогом закусывает. Кто-то шелушит куриные яйца. И заливаются вдоволь чаем из большого мятого и прокопченного алюминиевого чайника. Он практически постоянно кипит на массивной железной крышке печки в кочегарке. Здесь, в кочегарке, в общем – то и проходит само чаепитие. Глоток крепкого сладкого чая – затяжка сигаретным дымом. Опять глоток – опять затяжка. Шлифовщицы говорят: пьем чаек в затяжку с табачным дымом и угаром печи, и с опилками в прикуску. Ну и, конечно, идет при этом параллельный процесс пережевывания и смакования городских и фабричных

новостей, слухов и сплетен.

Кочегары дежурят по суткам. Они привыкли слушать дневной треп шлифовщиц. Время под него быстрее идет. Нет-нет, и сами принимают участие в разговорах – вставляют свои три копейки в беседу.

- Вчера вечером, - хриплым баском перекрывает шум электромоторов и периодический скрежет шнеков, подающих опилки в камеру сгорания печи, кочегар - одинокий пенсионер Симаков Анатолий. – Вот я и говорю, лежу на диване вчера вечером и смотрю по ящичку Гришу Налахова. Ну, эту передачу, как ее?.. Ну, «Пускай поболтают». Чем, думаю, Гриня будет сегодня удивлять, как станет слезу выжимать и смешить до слез...

Симаков мужик не спешный. Всякое дело выполняет с подходцем. И рассказывает любую историю с подводками. Часто из-за этого уходит в сторону от темы или просто забывает ее. Вот как сейчас.

– Я - то перед этим плотно похавал... Залег, значит, на диван. Включил телик... Но одним глазом смотрю на бутылку пива на столе. Она такая прямо из холодильника - манит... Вроде, как подмигивает...

– Толян! – кричит Галина Бочканова. Говорят, в молодости она была не последней красавицей. А сейчас от бывшей красы только глаза выразительные зеленые. Все остальное – разжирело, поплыло и обвисло. – Рожай быстрее. Что ты сопли жуешь? Или глотай или выплюнь, на хрен. Ты резво на-

чинаешь, но долго не можешь кончить...

Бабенки – шлифовщицы ржут и визжат.

– Не волнуйся, – отвечает Симаков. – У меня с этим все нормально.

– Сомневаюсь, – показывает все сто своих золотых зубов Бочканова. Она черная вдова. Трех официальных мужей схоронила. Хотя ей нет и пятидесяти.

Последнее слово Бочкановой Анатолий пропускает мимо ушей.

– Не хотите – как хотите. Я хотел вам рассказать интересное про вашу Тоньку...

– Ой! Толик! Толюша! Золотой ты наш мужик! Расскажи, расскажи, расскажи – вскидываются, оживают бабы и поддвигаются ближе к Симакову. – Мы-то гадаем, куда она подевалась...

– И хренушки угадаете... Ни в жизнь! Ладно, начну сначала...

– Лыко да мочало – начинай сначала! – хитро щурится Бочканова.

– Заткнись! – весело орут бабенки. – Трех мужиков ухайдакала, теперь до нашего Толика добираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.